

МОЙ ДЕД В ОСВЕНЦИМЕ СОЖЖЕН

*Александров А.В., заведующий Красноярским отделением Кафедры
ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников;
почетный профессор ВСО Академии*

Шалыга Александр Васильевич прожил удивительную, насыщенную событиями и полную блеска, но всё же трагическую жизнь. Родился он 30 августа 1881 года, происходил из древнего боярского русского рода, проживавшего в городе Киеве около тысячи лет. Окончил музыкальный институт им. Лысенко в Киеве. Солист Киевского оперного театра в сезонах 1911-1916 и 1923-1924 годов. В опере «Евгений Онегин» прадед пел Онегина, вместе с Леонидом Собиновым, который пел Ленского. Участник пятых Олимпийских игр в Стокгольме. Участник Первой Мировой войны. Служил при генерале Алексее Алексеевиче Брусилове. С 1924 по 1941, после неудачной операции на голосовых связках, работал при Киевской консерватории. В годы войны был оставлен в Киевском оперном театре руководителем подпольной театральной организации. Здание Киевского театра было тотально заминировано на случай, если Адольф Гитлер захочет там отпраздновать победу. Вся подпольная организация была сдана провокатором гестапо на третий день оккупации. Александра Васильевича предупредили о готовящемся аресте и он ушёл к партизанам. Но 21 сентября 1941 года был схвачен на похоронах своей жены на кладбище, куда тайно пришёл под плащом могильщика. Арестован, зверски замучен и сожжён в печах концлагеря Заксенхаузен после восстания узников, в котором принимал участие, как один из его организаторов.

В 1904-1905 годах проживал в Красноярске, где сохранилась афиша его совместного с Петром Ивановичем Словцовым благотворительного оперного концерта «Украинских песен». Здесь у Александра Васильевича случилась романтическая история: он ухаживал за дочерью Енисейского генерала-губернатора Айгустова Николая Алексеевича Александрой. Та отвечала взаимностью божественному баритону, но в день назначенного обручения

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

влюблённых ожидала досадная размолвка. После которой они больше не встречались.

О второй романтической истории своей жизни Александр Васильевич писал своей матери в Киев из Галиции в 1915:

Было начало львовского лета. Город — в белой сирени. На улицах, чистых и нарядных, ничто не напоминало о войне, хотя она гремела рядом, на Брусиловской линии обороны.

Победоносный Галицинский фронт. Множество блестящих франтоватых русских офицеров. Слышится вперемешку французская и русская речь. Господа офицеры одинаково с русским в совершенстве владеют французским языком. И только кое-где проскальзывают малороссийские выражения.

Представьте, мамо, роскошный особняк на центральной улице города. Из распахнутого окна льются романсы и оперные арии. Хозяйка особняка — солистка Львовского оперного театра, дивная красавица и богиня Ядвига Зембровска.

Здесь всегда звучала музыка, собиралась изысканная городская и офицерская публика, а в тот незабываемый день мы с ней наконец-то остались одни.

Я пою только для неё. Она поёт только для меня. Мы сливаемся в музыкальном дуэте. За роялем то я, то она. И розы, розы во всех комнатах — их присылал Брусилов. И сирень, сирень... И «Белая сирень» Рахманинова.

Многим во Львове было известно, что генерал влюблён в хозяйку особняка, осыпает её драгоценными подарками, цветами, надеется на будущее с ней. Брусилов недавно овдовел и сделал Ядвиге официальное предложение. Но она влюблена в меня, генеральского денщика, мобилизованного в действующую армию бывшего оперного певца, в меня, рядового Александра Шалыгу!

И мучаюсь совестью, что так поступаю с моим дорогим генералом. И влюблён до последних коврижек. Где выход?

Я знаю, мамо, что вы меня осуждаете. Но я же никому не давал обещание не влюбляться.

Я открылся ей, она открылась мне. Я безмерно счастлив. Я дышу и живу этим чувством. Хорошо понимаю, что сравнение не в пользу генерала. Ему — шестьдесят третий год, а мне — тридцать пять.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Ядвига очень нравится мой голос. Она утверждает, что, когда меня слышит, тает в блаженстве и никакие богатства мира ей не нужны. Так что, извините, мамо, тускнели и гасли в глазах божественной Ядвиги генеральские погоны её главного воздыхателя. И те цветы, и бриллианты, и подарки, какими он осыпал свою возлюбленную.

Романтическая история закончилась вполне закономерно: однажды после парада войск победоносный генерал проезжал в карете мимо особняка своей возлюбленной и вдруг из спальни Ядвиги через открытую дверь балкона услышал рахманиновскую «Белую сирень» в исполнении своего любимого баритона. В результате Александр Васильевич был немедленно отправлен Брусиловым из действующей армии в тыл служить в Киевском госпитале, как особо ценный вокальный талант...

Высшая награда в конце жизни для чад возлюбленных у Отца Небесного – терновый венец. Александр Васильевич был удостоен этой небесной награды. Когда узники Заксенхаузена от вновь поступивших узнали о разгроме фашистов под Сталинградом, они решили поднять всеобщее восстание. Успех восстания зависел от одновременности действий всего лагеря, и здесь решили воспользоваться феноменальностью силы голоса прадеда. В условленное время он вышел на площадь и во всю мощь запел: «Есть на Волге утёс!», что было сигналом ко всеобщему восстанию. Пропеть он успел только полтора куплета. Охранник с ближайшей вышки расстрелял его и тех, кто пытался закрыть певца своими телами, из пулемёта... Через пятнадцать минут охрана была перебита восставшими узниками и из лагеря бежали все, кто мог ходить.

Слова Нины Шалыгиной и Александра
Александрова

Мой дед в Освенциме сожжён

*Памяти нашего деда и прадеда Шалыги Александра
Васильевича,*

солиста киевского оперного театра посвящается...

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

*Мой дед в Освенциме сожжён,
Сквозь решето войны просеян,
А пепел по ветру развеян
И в землю чуждых стран внесён.
Припев: Не отыскать могилы след –
Сожжён в печах войны мой дед.*

*Тюльпан, что сердцем деда был –
Весенним маем расцветает...
Не он ли горький прах укрыл?
Кто знает...
Припев:*

*Мне помоги степной ковыль,
Что с сединою ранней схожий...
Но ветер поднимает пыль –
Никто мне в горе не поможет.
Припев:*

*Ни обелиска, ни креста,
Ни камня даже и ни следа...
Не отыскать, не встретить там,
Где замолчало сердце деда...
Припев:*

*Однажды белым журавлём
Я полечу навстречу с дедом,
Где он бессменным часовым
Хранит нам золото Победы.
Припев:*

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Редает памяти редут.

Когда последние страдания,

Травой забвенья порастут –

Затихнут скорбные стенанья...

Припев:

Отпустит стражников Господь

В Небесный Ирий отдохнуть

И снова бесовская рать

Нам о фашизме будет врать.